

Георгий Товстоногов —
Нейгл Джексон

Рампа

Сов. культура 1988, 21 апр.
СВЕТИТ МИРУ

Сегодня мы обращаем особое внимание на каждый факт постановок спектаклей советскими режиссерами в Соединенных Штатах Америки и американскими в СССР и видим в этом признаки обнадеживающего оздоровления отношений между двумя странами. Когда Г. Товстоногов год назад поставил в Театре Мак-Картера чеховского «Дядю Ваню», газета «Театр-Ревью» опубликовала статью под названием «Безупречный спектакль улучшает советско-американские отношения». Георгию Александровичу Товстоногову очень хочется, чтобы такую роль выполнил и спектакль художественного руководителя Театра Мак-Картера Нейгла Джексона, поставившего пьесу Теннесси Уильямса «Стеклозверинец» в Ленинградском АБДТ имени М. Горького.

Корр.: У кого возникла идея постановок этих пьес?

Г. Товстоногов: Этой идеей мы обязаны театральной деятельнице Эдит Марксон, которая много делает для улучшения театральных контактов наших стран. Нейгл Джексон — один из первых американских режиссеров драматического театра, приглашенных на работу в нашу страну. Мне кажется, что долгие годы недооценивалось значение практических творческих контактов. И у нас, и в Америке много говорилось о необходимости театрального обмена, а делалось практически очень мало. Единичные гастроли, редкие приглашения режиссеров, актеров. Сейчас, как говорится, лед тронулся. Благодаря политике гласности и демократизации нашего общества за эти два года сделан мощный рывок вперед. В США побывала большая делегация Союза театральных деятелей СССР во главе с актером нашего театра, председателем союза К. Лавровым. Деятели американского театра посетили нашу страну. А совсем недавно в Москве и Ленинграде прошел кинофестиваль картин США, на котором можно было увидеть и фильм Пола Ньюмана «Стеклозверинец».

Корр.: А что лично для вас, Георгий Александрович, дала встреча с группой Театра Мак-Картера и почему именно Чехов?

Г. Товстоногов: Совместная работа обогащает и режиссеров, и актеров. Театр Мак-Картера — редкий для Америки коллектив — имеет постоянную труппу. Он находится в неболь-

шом городе Принстоне, что рядом с Нью-Йорком. В этом университетском городе свой духовный микроклимат, он сравним с микроклиматом нашего университетского города Тарту. Бродвей с его десятками коммерческих развлекательных театров, казалось бы, и рядом, но в принстонском театре нет духа коммерции. Интеллигентность высокопрофессиональной труппы и интеллигентность зрителя позволяют режиссерам братья за серьезную драматургию. Чехов, пожалуй, самый «американский» драматург. Его там ставят даже чаще, чем Достоевского и Гоголя. Театр стремится разгадать загадку драматургии Чехова, познать «тайну русской души».

Мы не привыкли к американским темпам работы над спектаклем. На постановку у меня было всего 40 дней, поэтому репетировали каждый день по 8 часов. За это время я должен был познать труппу (кстати, мы пригласили актеров и из других театров), помочь артистам овладеть нашим методом. Там много читали о системе Станиславского, однако знают ее умозрительно. Я же стремился, чтобы актеры освоили (в основе, конечно) метод Станиславского, овладели импровизационным поиском. Артисты боялись режиссерского диктата, но мы работали согласованно. К счастью, актеры оказались очень податливыми. Что для них каждая новая роль? Это вопрос жизни или смерти. Если роль не получится, то с актером просто разорвут контракт, больше не пригласят. И актеры работают не только за страх, но и за совесть. Владеть профессией — норма.

Н. Джексон: Кстати, актеры очень быстро научились понимать Г. Товстоногова. Он работал с самыми любимыми моими артистами, которые и раньше играли Чехова, но Товстоногов открыл в них новые творческие возможности.

Г. Товстоногов: Именно метод действенного анализа роли помог нам преодолеть языковой барьер. Когда актер зажил в образе по логике действия, не стало необходимости много говорить друг с другом. Выработался язык действия. Другая проблема — чеховский юмор. Американцы понимают его, ценят. Но важно было, однако, добиться ощущения чеховского юмора не в американском понимании, а в русском. Правда характеров героев, к которой мы все стремились, делала свое дело, и чеховский юмор звучал естественно, без неизбежной для зарубежных постановок репризности, что и отмечалось американской критикой.

Корр.: Право, не знаю, почему так получается, но наша пресса очень мало пишет о зарубежных постановках советских режиссеров. Вероятно, потому что в нашей стране до сих пор нет надежной информационной службы,

которая занималась бы международными творческими контактами.

Г. Товстоногов: Давно пора такую службу иметь, оперативно переводить зарубежную прессу, публиковать в газетах ее обзоры.

Корр.: Хочется познакомиться читателей с некоторыми оценками американских критиков. Сами заголовки статей — «Дядя Ваня» советского режиссера — настоящий Чехов», «Ваня» достигает симфонической глубины», «Своеобразное и сильное представление» — характеризуют постановку как явление в театральной жизни Америки. Бобби Джорж в «Дейли Джорнал» пишет: «Нет большего счастья для театрального зрителя, чем, выходя из театра, осознавать, что ты присутствовал на большом театрально-событийном, видел веку в театральной истории». Майкл Карден, возглавивший большую аналитическую статью «Блестящий спектакль, поставленный Г. Товстоноговым, — триумф трагической мудрости Чехова», также называет спектакль выдающимся событием театрального сезона.

Н. Джексон: Пресса была обильной и щедрой по оценкам. О спектакле писали крупнейшие газеты, известные авторитетные критики. Товстоногов заново открыл Америке Чехова-драматурга, он обогатил наш театр своей манерой работы, своим режиссерским методом. О работе с мастером с удовольствием вспоминают в нашем театре.

Корр.: Мне представляется, что о спектаклях советских режиссеров, поставленных на зарубежных сценах, с полным основанием надо говорить и как о явлениях в отечественной театральной культуре, если мы — и справедливо — признаем, что автором спектакля является режиссер-постановщик.

Г. Товстоногов: И такой подход справедлив. Пора, давно пора отказаться от искусственного разделения творчества советских режиссеров, так сказать, на отечественное и экспортное. Жизнь нам уже показала, что советские режиссеры кино Тарковский или Михалков-Кончаловский, по тем или иным причинам поставившие фильмы на Западе, создали произведения не какие-то там эмигрантские, но русские, национальные по духу.

Корр.: А почему вы, господин Джексон, выбрали «Стеклозверинец»?

Н. Джексон: Идею этой постановки предложил Товстоногов. И я с радостью согласился. Уильямс и Чехов — натуры художественно родственные. Оба они воссоздают поэтическую драму одинокого существа, живущего по своим мечтам и воспоминаниям. «Стеклозверинец» — это пьеса-воспоминание. Воспоминание и мечта драматурга об ушедших нра-

вах старого Юга Штатов. Это была абсолютно другая культура, нежели на западе или севере нашей страны, более элегантная, духовная. Для Уильямса потеря романтики — величайшая из трагедий. Это очень автобиографическая пьеса.

Г. Товстоногов: Мне близок мир драмы Т. Уильямса, который по-своему продолжает чеховские традиции. Порой, правда, его пьесы отталкивают меня патологичностью некоторых героев. «Стеклозверинец» — иное дело. И я очень рад, что выбор этой пьесы, как, впрочем, и «Дяди Вани», устраивает всех — и режиссеров, и актеров. С Джексоном работали ведущие актеры БДТ — А. Фрейндлих, А. Толубеев, Е. Попова, Г. Богачев.

Н. Джексон: Впервые над «Стеклозверинец» я работал в 1957 году, являясь ассистентом режиссера. С тех пор несколько раз возвращался к ней. Пьеса написана в 1945 году и принесла мировую славу Уильямсу, но он ее переписал, учитывая современный уровень театра, добавил песни. Я несколько раз встречался с Уильямсом и знаю, как дорога ему эта пьеса. Постановка этого произведения в известном на весь мир Большом драматическом театре — звездный час в моей жизни.

Корр.: А какие политические события последнего времени оказали на вас самое большое влияние?

Н. Джексон: Встреча Генерального секретаря вашей партии М. Горбачева с президентом Соединенных Штатов Р. Рейганом и подписание Договора о сокращении ракет средней и меньшей дальности. С той поры наша жизнь наполнилась оптимизмом. Самый громкий голос о разоружении раздавался из Принстона, где расположен центр атомных исследований. И хорошо, что политики отбросили в сторону вопрос о многих разногласиях во имя достижения общей цели.

Г. Товстоногов: И эта цель всем нам очень близка — мир, разоружение, международное сотрудничество. Когда я смотрел по телевизору трансляцию о подписании договора в Вашингтоне, то не мог не понять, что творилась буквально на глазах большая история. И чем же мы, художники, можем помочь делу взаимопонимания между народами? В такой международной ситуации наши постановки — и «Дяди Вани», и «Стеклозверинец» — это уже не только факт культуры, но и политика, ибо взаимопонимания между народами можно достичь только тогда, когда постигнешь душу человека, душу другого народа, нации.

Беседу вел
В. ПОТЕМКИН.